

ИВАН ПЕРЕВЕРЗИН

И ДЛИТСЯ ДЕНЬ,
КАК ВЕК, СУРОВ И ГОРЕК...

* * *

Над морем мрак угрюмо нависает...
Созвездья не пылают в кураже...
И вновь душа не чувствует, не знает,
как дальше жить
или не жить уже?

Её загнали в угол, перекрыли
весь кислород — попробуй, подыши!
И тяжело ей, ну, как в глухой могиле!..
Но там ведь нет
ни подлости, ни лжи!

И длится день, как век, суров и горек,
и никого, кто мог бы мне помочь.
Лишь в поднебесье ветер с ветром спорят,
лишь на сто вёрст
вокруг глухая ночь...

ПЕРЕВЕРЗИН Иван Иванович родился в 1953 году в поселке Жатай Якутской АССР. Автор многих поэтических сборников, выдающийся поэт, вышедший из сибирской глубинки, из русского простонародья, постоянный автор журнала "Наш современник".

* * *

Ты на пароме уплываешь,
а я томлюсь на берегу,
иль всё наоборот, считаешь,
уйдя в холодную тоску, —
неважно, ибо между нами
уж вырыт отчужденья ров...
Ну, хоть крути обратно память —
до соловьиных вечеров...

Вот было время золотое,
где страсть дотла сжигала боль,
где и в боренье, и в покое
душою правила любовь...
Былого не вернуть и чудом,
как не увидеть дна реки...
Но коли мы с тобою люди,
давай простимся по-людски.

* * *

В печальной юности от хвори
я так страдал, что не дай Бог!
Порой казались даже зори
черней, чем я увидеть мог.

И во спасенье мне мечталось
дожить хотя б до тридцати,
А там пускай приходит старость,
и душу напрочь рвёт в груди...

Я вдвое этот срок превысил!
Но для чего, когда опять
в огне невзгод пылают мысли
и в небе солнца не видать?..

Но прежде, чем навек ответить,
я, зорко посмотрев вокруг,
уверую, что в жизни нету
людей, не гибнущих от мук.

* * *

Огромней праздника Победы
для моего сознания нет.
Но жаль, что умирают деды —
герои судьбоносных лет.

Я не пойму, как это можно —
переписать победный путь?
Нацистов славить принародно,
крепя им ордена на грудь?..

Но переписывают, гады,
хоть фактом остаётся факт,
кто победил под Сталинградом,
кто брал Берлин и брал Рейхстаг.

Отец, ты тоже своей кровью
за этот праздник заплатил,
чтоб жизнь моя дышала новью,
чтоб я всё русское любил.

Поправив с орденами китель,
ты спорил часто, но без зла:
Россия, что ни говорите,
себя спасая, мир спасла!

Я слушал — и катились слёзы,
как катятся сейчас на снег
под русской белою берёзой,
где ты покоишься навек.

Светлее праздника Победы
для моего сознания нет.
Живите долго, наши деды, —
герои вечно славных лет!

* * *

В раковины моих ушей залетает утренний ветер,
рождая шум, схожий с тяжёлым рокотом моря...
И видится пляж, где песок золотисто-светел,
где байдарка, на которой поплыву скоро...

Среди волн, вздымающихся на дыбы, как кони,
меня наполняет не страх, а яркое чувство отваги.
Будто я рождён, выходя из одной погони,
попадать в другую от смерти всего лишь в шаге.

А ты, прижимая подол к своим ногам загорелым,
за жизнь мою грешную боишься до слёз горячих,
и молишь, чтоб я избрал поспокойнее дело,
иначе в крутых волнах потерплю неудачу...

С тревогой твоей я до конца, моя дорогая...
Но только в борьбе, хотя бы с самим собою,
смогу я в любви душой гореть не сгорая,
как солнечный луч надо морем порой грозовою.

ОСЕННИМ ДНЁМ

День пасмурный... Но потому,
как с песней сердцу моему
легко дышать в рассветном устье,
дождь не польётся, и туман,
от солнечных лучей багрян,
растает раньше чьей-то грусти...

День предпоследний перед тем,
как в даль уеду насовсем,
пусть будет вдохновенно-ясным,
с синичным пением в бору,
с шуршаньем листьев на ветру,
с игрою белок жёлто-красных.

Вновь по лужайкам, по лугам
пойду вперёд, открыт лучам,
что солнце щедро льёт на землю,
любуюсь звёздной красотой
реки лесной, горы крутой,
струне ветров звенящих внемля.

Душой, распахнутой, как дверь,
я, словно молодой апрель,
любовью до краёв наполнюсь
к природе, чтобы жизнь моя,
как прежде, счастья не тая,
сверкала в слове ярче молний...

ЕСЕНИН

Про свой край берёзового ситца
написал, как кровью, наизусть.
И душе доньше в небе снится
понапрасну вздыбленная Русь.

Годы странствий на стихах сказались
с вдохновенной силой неземной,
потому с тобой навек прощались,
как с любовью самой дорогой.

Не погиб ты... Лишь по переулку
прогуляться вышел в холода...
И об этом в листвоное гулко
плачет клён с берёзой навсегда.

“До свиданья, друг мой, до свиданья,
милый мой, ты у меня в груди...”
Это мне сказалося на прощанье,
чтобы смел я к радости прийти...

Всё минует, всё промчится в гуле,
всё решится только по судьбе!
И летят со свистом мщенья пули
в каждого, кто застил путь тебе...

* * *

Синоптики нам вновь солгали:
да, хлынул ливень огневой!
И птицы всласть защебетали
в лесу с листвою молодой.

Но резко между гибких веток
светилась неба высь насквозь
и восхищала сердце светом,
как спелых виноградин гроздь.

Озон густел, вдыхался легче,
как хмель настоящий, пьянил.
И я с душой, расправив плечи,
казалось, словно и не жил...

Хотелось петь, хотелось плакать,
и бился свет в моей крови...
И обращалась жизни слякоть
в дорогу вечную к любви.

ВЕЧНЫЙ ЧАС

Тепло установилось, слава Богу,
но до сих пор у клёнов и берёз
листва лишь опушилась понемногу,
как бы пугаясь нападения гроз...

Но доброты в природе не убудет...
меж веток голубеет свод небес,
и пение дроздов, как неземное чудо,
с утра пораньше окрыляет лес.

Озонный воздух похмельнее браги —
бьёт по мозгам и голову кружит.
И в слове, преисполнившись отваги,
моя душа любви залог творит...

Кто я такой? О чём я сожалею?
Иль верую: жизнь точно удалась?
Не важно, ибо твёрдо разумею:
пускай один, но мой сегодня час.

И будет прожит этот час, как надо,
и обратится в торжество любви!
И я уверен: мне споют отрадно,
не кто-нибудь, а сами соловьи!..

* * *

Ну, здравствуй, мой неутомимый друг,
товарищ дней стремительных, военных!..
Одна любовь нас не покинет вдруг —
всё остальное безнадёжно тленно...

И как от ран ни тяжело нам порой,
вперёд глядим без страха и упрёка.
Как будто распахнётся высь зарёй,
и мы услышим вещей голос Бога.

Я неспроста ведь вспомнил о тебе,
здесь, где красиво распевают птицы, —
хочу тем счастьем, что познал в судьбе,
с тобой до капли щедро поделиться.

И страстно верю, знаю до конца:
плечом к плечу стоять мы будем вместе.
И пусть темнеет воздух от свинца,
и пусть звучат лишь грозные вести —

всё выдержим, нигде не пропадём,
ведь кроме нас навряд ли кто напишет,
что жизнь своим железным кулаком
ударить может лишь по воле свыше.

* * *

Не смотри мне тревожно в глаза,
будто в них затаилось гроза,
и коль скажешь хоть слово ещё,
то душою взорвусь горячо!

Не волнуйся! Я зря не вспылю,
ведь, как прежде, безумно люблю
всю тебя, от макушки до пят,
как бы ни был измучен и клят.

Но и ты, если жаждешь любви,
для меня, словно солнце, живи,
и тогда лютый холод и снег
мы растопим сердцами навек.

И тогда... Ах, да что говорить!
Надо счастьем до слёз дорожить,
ведь никто и за тысячу лет
не вернёт даже горькое “нет”!..

* * *

Может быть, я и правда подохну
даже раньше, чем выпадет снег...
Но погрязшую в войнах эпоху
мне в вину не поставить вовек.

Правда, был я себе не подарок:
гробил жизнь, смерть навзрыд восхвалял!
Словно море дышало пожаром,
и мой разум в дыму пропадал...

Только, люди, поверьте, ей-богу,
через стыд, через боль, через зло
я торил к вечным звёздам дорогу,
хоть порой прямо к чёрту несло.

И когда истощились все силы,
смог на воле, что выковал впрок,
стать поэтом мечты и России,
чья надежда — огонь вещей строк!

А любовь? Нет, о ней не забыл я!
В каждом слове, в работе любой —
взмах за взмахом! — несли её крылья
мою душу над бездной слепой...

Тьмой, как страхом, глаза полыхали,
громыхало дыханье, как жечь.
Знать не знал я угрюмой печали
и берёт свою русскую честь...

И погрязшую в войнах эпоху
мне в вину не поставить вовек!
И не зря от любви нынче сохну,
ибо только в любви человек!